

10. Нижегородскому Губернскому благотворительному комитету Владимира Галактионовича Короленко доклад (Приложение к журналу Губернского благотворительного комитета 28 марта 1892 года) // Нижегородские губернские ведомости. 1892. № 16. 15 апреля. С. 3–5.
11. Нижегородскому Губернскому благотворительному комитету Владимира Галактионовича Короленко доклад (Приложение к журналу Губернского благотворительного комитета 28 марта 1892 года) // Нижегородские губернские ведомости. 1892. № 17. 22 апреля. С. 1–4.
12. Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы. Т. 1. 1900–1928 / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. 552 с.
13. Продовольственный вопрос в 1897–1898 г. Обсуждение продовольственного вопроса в Общих собраниях Императорского Вольного Экономического общества 12, 13, 14, 19 и 26 марта 1898 года. СПб., 1898. 253, 149, 10 с.
14. Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–99 г. М., 1906. 197 с.
15. Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Сост. Г. Г. Савич. Вып. 1. СПб., 1900. XXII, 456 с.
16. Сорока М. Квакеры и русский голод // Родина. 2011. № 12. С. 54–57.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 29. XXVIII, 452 с.

УДК 312

О. В. Горбачев

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ*

В статье поднимается проблема применимости теорий разного уровня для исторического изучения миграции. Показывается, что, в отличие от западных исследователей, отечественные авторы склонны использовать макротеории и концепции «среднего уровня», в том числе теорию модернизации. В большой степени это объясняется характером доступных источников, содержащих, как правило, агрегированные данные. При всей значимости достигнутых результатов следует признать, что полноценное изучение целого ряда связанных с миграцией проблем (адаптивность мигрантов, гендерных, информационных аспектов миграции, возвратной миграции и др.) более перспективно в контексте персональных миграционных историй, т.е. на микроуровне. Оцениваются перспективы использования наиболее востребованных концепций.

Ключевые слова: миграция населения, миграциология, теория миграции, междисциплинарность, теория модернизации

Пространственная мобильность населения является одной из существенных черт общественного развития. Особенно большое влияние на общественные процессы миграция стала оказывать в XX в. Настолько значимое, что вторую половину XX в. назвали «эпохой миграций» [2, С. 33]. Современное знание о миграциях описывается довольно большим количеством теорий и гипотез, их количество варьируется от десяти наиболее

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; og_06@mail.ru.

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ–БРФФИ № 15-21-01008 «Беларусь — Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в XX в.».*

значимых до 45 [24; 9]. При давно декларируемой заявке на использование междисциплинарного подхода в этой сфере исследователи миграции остаются крайне разобщенными. Свой собственный интерес в изучении миграций имеют антропологи, демографы, экономисты, историки, правоведы, политологи и социологи. По подсчетам В. А. Ионцева, 5 теорий ориентированы на экономический подход, 5 — на социологический, 4 — на чисто миграционный, 3 — на демографический, 2 — на исторический и политический и т. п. [9, с. 18].

Контакты между представителями разных дисциплин весьма избирательны. Что касается историков, то в изучении миграции они наиболее активно взаимодействуют с антропологами, социологами и демографами.

Американские авторы теоретической статьи о миграции считают, что историки с большой неохотой обращаются к теоретическим обобщениям, поскольку в этой дисциплине главные, подлежащие изучению вопросы сориентированы во времени и пространстве [2, с. 37]. В отношении отечественных исследований это утверждение едва ли соответствует действительности, хотя применяемые российскими историками теории и нельзя считать чисто историческими. Специфика исторического знания не отменяет возможности и необходимости прибегать к обобщающим концепциям.

Различия в оценках основаны на том, что западные историки в большей степени склонны к микроисследованиям в рамках «культурологического поворота» 1990-х — начала 2000-х гг., а российские авторы обычно отдают предпочтение макроподходу с привлечением историко-социологических теорий и обобщенных демографических данных. По-прежнему относительно небольшой список исторических работ, где присутствуют миграционные сюжеты, включает главным образом региональные исследования с использованием агрегированных статистических данных в контексте традиционных представлений об эволюции демографических процессов [3; 5; 6; 10; 11; 14; 17; 18; 19]. Эта ситуация продиктована спецификой используемых источников (в российских архивах крайне мало формализованных персональных данных, особенно по советскому периоду). Кроме того, в России традиционно большое внимание уделяется организующей роли государства в миграции, что вытекает из специфики российского исторического процесса [7; 8; 13; 15; 16].

С точки зрения перспектив изучения российской миграции, немаловажными являются вопросы, во-первых, об адекватности распространенных в отечественной исторической науке теоретических предпочтений современному уровню миграциологии, а во-вторых, о возможности использования историками многочисленных теоретических подходов для изучения миграции, разработанных в сопредельных областях научного знания.

По степени охвата общественных процессов выделяются теории макро-, мезо- и микроуровня. Все они используются в изучении миграции. Чем выше уровень теории, тем больше претензий на всеохватность, и тем более общими выглядят изучаемые в ее контексте процессы. К таковым, например, относятся марксистская теория формаций, теория мировых систем И. Валлерстайна, цивилизационная теория.

В рамках марксистской парадигмы миграция рассматривалась как естественная форма перераспределения рабочей силы при капитализме из сельского хозяйства в промышленность: «В земледелии уменьшение живого труда может быть абсолютным» [12]. Согласно теории мировых систем, международная миграция следует за политической и экономической организацией расширяющегося глобального рынка: международный поток рабочей силы следует за международным потоком товаров и капитала [22, с. 127–128].

В контексте цивилизационной парадигмы изучение миграций представляет интерес с точки зрения антиномии «уединенных—преемственных» цивилизаций (по Н. Я. Данилевскому). Цивилизации, подобные российской, т.е. находящиеся на «перекрестках» исторических миграционных потоков, на разных стадиях своего развития демонстрируют разную интенсивность миграционного обмена, в первую очередь международного. Проблема цивилизационной теории — сложность установления горизонтальных межцивилизационных связей для возможности сравнительного анализа [О подходах к ее решению см.: 20, с. 12]. По этой причине соответствующий материал в большей степени востребован антропологами, а не историками [См. напр.: 4].

Положительной стороной макротеорий с точки зрения изучения миграции является широкий контекст, в который вписываются процессы пространственного движения населения. Отрицательных сторон существенно больше. Во-первых, макротеории схематичны по своей сути и не в состоянии охватить все многообразие реальных процессов. Замечено, например, что направление реальных миграционных потоков не совпадает с потоками движения капитала. Во-вторых, миграция не играет в них самостоятельной роли. В-третьих, интерпретация миграции с точки зрения макротеорий часто грешит экономическим редуccionизмом. Дело здесь не только в экономическом детерминизме марксистской теории и в неомарксистских устремлениях теоретика мира-системы И. Валлерстайна. Согласно одному из общепризнанных миграционных правил (или эмпирических законов) Э. Равенстайна, большинство из причин миграции — экономические [27], поэтому все прочие ее факторы при избранном масштабе оказываются незаметными [одна из немногочисленных работ по миграции, апеллирующих к теории мировых систем: 23].

Из социологических мезотеорий определенную перспективу для историков имеет неозволюционистская доктрина, но реально наиболее востребованной оказалась теория модернизации. В ней заложен большой эвристический потенциал, позволяющий оценить уровень развития общественных институтов в исторической динамике, исходя из системы заданных критериев. Концепция отличается системностью, большой вариативностью подходов. Она представляет собой своеобразную «открытую платформу» для новых идей. Концепция модернизации дает возможность как обобщения, так и детализации, объединяя достоинства макро- и микроподходов.

В контексте теории модернизации миграция воспринимается как многомерное явление, в котором сочетаются обслуживание экономических «точек роста» и диффузия инноваций [См. подробнее: 20, с. 31–33]. И все же наиболее часто миграция в модернизационной парадигме рассматривается через призму урбанизации, особенно в исследованиях по истории XX в. [3; 5; 11; 14; 17 и др.]. Изучение характера миграции позволяет понять особенности формирования городской среды в России — СССР, роль государства в этом процессе.

Советская мобилизационная модель организованной миграции, обусловленная четкими индустриальными приоритетами (разные формы набора рабочих на советские промышленные стройки) рассматривается как переходная от вынужденно-принудительной к индустриально-классической, существовавшей до 1970-х гг. Переходный характер задается сочетанием различных миграционных форм, в том числе организованного сельскохозяйственного переселения, кулацкой ссылки, репатриации и депортаций в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Специфику миграционного освоения восточных районов страны позволяет понять теория фронтальной модернизации [20, с. 29–31]. В рамках модернизационной парадигмы адекватно интерпретируется советская миграция из села в город, которая реализовывалась преимущественно в стихийных формах.

С точки зрения концепции диффузионизма, вписанной в теорию модернизации [1], миграция может быть интерпретирована как коммуникационный канал. При таком подходе появляется возможность оценить масштабы и характер международного миграционного обмена, прежде всего в социокультурном плане.

Недостатком теории модернизации является ее малоприспособленность для анализа эпох за пределами модернизационного перехода — доиндустриального и постиндустриального обществ. Предшествующая «аграрная» эпоха оказывается слишком протяженной, а оценки постиндустриальной стадии нередко носят эмпирический, и даже оценочный характер. Кроме

того, как и в случае с макротеориями, в мезотеориях миграция населения играет подчиненную роль.

Наибольшие возможности для исследователя миграции связаны с микротеориями. Среди них есть как связанные с определенными отраслями знания, так и чисто миграционные. К последним относится, например, теория «миграционного перехода» У. Зелински [24, с. 15], в которой миграция рассматривалась стадийно, а содержательно очень тяготела к модернизационному подходу. В заслугу этой теории следует поставить то, что она рассматривала миграцию в качестве самостоятельной сферы изучения, а также стремление представить внутреннюю и внешнюю миграции как разные стороны одного и того же процесса. В остальном теория «миграционного перехода» очень мало добавляла к тому, что можно было увидеть в контексте теорий более высокого уровня, и это объясняет ее относительно малую востребованность.

Гораздо более популярной стала неопозитивистская концепция «притяжения–выталкивания» (“push-pull”) [25]. В соответствии с ней, люди уезжают оттуда, где им живется плохо, в места с лучшими условиями труда и жизни. Именно теория притяжения–выталкивания активно используется в различных теориях социальной эволюции. К недостаткам концепции относится как выраженный экономический редуционизм, так и нерешенность проблемы разной интенсивности миграции из мест со схожими жизненными условиями. Еще один вопрос, остающийся без ответа, состоит в том, почему большая часть населения не подчиняется правилу «притяжения–выталкивания» и остается в месте постоянного проживания (доля подвижной части общества обычно не очень велика). Тем не менее, именно идея притяжения-выталкивания лежит в основе большинства отечественных исследований, анализирующих сельско-городскую миграцию в XX в. в рамках социально-эволюционистских схем.

Более интересной с точки зрения специфики исторического исследования является концепция «своего пути», впервые сформулированная в 1970 г. для Западной Африки [26]. В рамках этого подхода предлагалось последовательно рассматривать характеристики окружающей среды, мигранта, подсистемы выхода, реакцию среды на отъезд и прибытие мигранта в сельском и городском контексте, а также информационный обмен между местами входа и выхода. В результате формировалось комплексное представление обо всех существенных компонентах миграционного процесса. Проблемой оказалось то, что собранный большой массив эмпирических данных с трудом поддавался теоретическому обобщению.

Неким промежуточным вариантом между теорией «притяжения–выталкивания» и концепцией «своего пути» принято считать новую экономическую теорию миграции (решения о переезде принимаются

не индивидуально, а на семейном уровне; ключевую роль играет идея не максимизации доходов в миграции, а диверсификации занятий и снижения рисков) [21, с. 260].

Большое количество проблем нуждается в дополнительном внимании со стороны историков миграции. Это адаптивность мигрантов, этнический компонент, информационные каналы миграции, гендерный подход, возвратная миграция и др. Их решение возможно только с выходом на микроуровень, что невозможно в контексте популярной теории модернизации. Полезными в этом отношении могут оказаться наработки антропологов и этнографов; перспективными видятся теория «своего пути», а также более поздние концепции (новая экономическая теория миграции, теория социальных сетей [22, с. 128–130] и др.).

Библиографический список

1. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.
2. Бретелл К., Холлифилд Д. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов. Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. 222 с.
4. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. 496 с.
5. Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.
6. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996.
7. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1997. 157 с.
8. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. 306 с.
9. Ионцев В. А. Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения // Миграция населения: Теория и практика исследования. Вып. 1. М., 2001. С. 18–34.
10. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998. 270 с.
11. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX вв.). Екатеринбург, 2012.
12. Маркс К. Капитал. Т. 3. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/kapital3-15.html>. (дата обращения 30.01.2015)
13. Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX — середина XX в.). Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2010. 206 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Изд. 3. СПб., 2003.
15. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
16. Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.
17. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе. М., 2003. 285 с.
18. Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 471 с.
19. Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. 288 с.

20. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2014. 172 с.
21. Юдина Т. Н. Миграция. Терминологический словарь. М., 2007. С. 260.
22. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М., 2006. 272 с.
23. Friedman-Kasaba K. Memories of Migration: Gender, Ethnicity and Work in the Lives of Jewish and Italian Women in New York, 1870–1924. Albany, N.Y., 1996.
24. King R. Theories and typologies of migration: an overview and a primer // Willi Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. Vol. 3. Malmö University, 2012.
25. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography, 1966, № 3(1), P. 47–57.
26. Mabogunje A. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration // Geographical Analysis, 1970, № 2 (1), P. 1–18.
27. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, Vol. 48, № 2. (June, 1885). P. 167–235.

УДК 94 (470.13) «17/18»

А. К. Гагиева

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КОМИ КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. в России и на Европейском Севере шла активная индустриализация. Расширялась этническая территория, создавались новые промышленные районы. Это не могло не отразиться на социально-экономических отношениях. Результатом стало освоение новых территорий, в основном, на севере и формирование здесь новых экономических анклавов. Особенностью данного процесса явилось формирование на вновь освоенных территориях различных по структуре и национальному составу крестьянских организаций.

Ключевые слова: *волость, община, освоение, модернизация, Европейский Север*

Изучение вопросов, связанных с историей освоения территорий Европейского Севера России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., имеет давнюю традицию [9; 10]. Исследователи справедливо связывали данный вопрос с миграциями населения, показывали динамику роста или убыли населения во вновь освоенных регионах. Одной из причин ухода населения из ранее обжитых мест назывались «ухудшение социально-экономических условий: рост налогов, усиление феодальной эксплуатации, обезземеливание и т.д.» [8, с. 388]. Признавая определенную правоту данных высказываний, необходимо отметить следующее.

Как показано в исследованиях И. В. Побережникова, К. И. Зубкова и других авторов, освоение любой территории необходимо рассматривать в рамках модернизации страны, когда земли, которые уже

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Коми Республиканская академия Государственной Службы и Управления, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; e-mail: gngkol2@mail.ru.